

Ἐντυγχάνω «встречаться»; «обращаться с просьбой» – СНЗ: «обращаться с просьбой, молить (*Бога о чем-л.*)».

Ἐδύβεια «осторожность, предусмотрительность» – СНЗ: «благоговение», «богобоязненность», «страх Божий». *Ἐδύβητος* «осторожный, робкий, боязливый» – СНЗ: «благочестивый, богобоязненный, исполненный благоговения».

Ἐδύλογέω «хорошо говорить»; хвалить, прославлять» – СНЗ: «благодарить», «восхвалять, прославлять (*Бога и Христа*)»; «призывать Божью милость (благословение)»; «одарять, наделять благословенными дарами»; «произносить благодарственную молитву (*перед едой*)».

Κλητός «званный, приглашенный» – СНЗ: «званный, призванный (*о христианском призвании*)».

Ὁδός «путь, дорога, способ, средство» – СНЗ: «образ жизни, поведение»; «Путь (*христианской веры и жизни, т. е. христианство*)».

Οἰκονομία «заведование хозяйством, управление, служба, дело, поручение» – СНЗ: «(божественный) замысел спасения, план спасения» (Еф. 1.10; 3.9; 1 Тим. 1.4);

Ὀυρανός «небо» – СНЗ: (*также употребляется для обозначения Бога, чтобы избежать священного имени*).

Φοβῶμαι «бояться, страшиться» – СНЗ: «читать, благоговеть, испытывать благоговение и трепет (*перед Богом*)»; «почитать, уважать» (Еф. 5.33).

Ю. А. Чуркина
Екатеринбург

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПРОКЛА

Главными божественными атрибутами, согласно Проклу, являются красота, мудрость и благодать.

В главе 25 книги 1 Платоновской теологии из этих атрибутов выводится триада: любовь, истина и вера. Посредством этой триады все сущее приобщается божественному. Так, любовь (*ὁ ἔρως*) есть путь к божественной красоте, к божественной мудрости существующие вещи возводит истина (*ἡ ἀλήθεια*), вера (*ἡ πίστις*) же приводит к божественному благу.

Прокл говорит о тщетности попыток достигнуть блага познавательными способами («...благо отнюдь не следует изыскивать познавательными способами, которые не ведают своего завершения...»), а единственно правильным полагает, «вверив себя божественному свету (*ἐπιδόντας ἑαυτοὺς τῷ θείῳ φωτὶ*)... утвердиться в непознаваемой и таинственной генаде сущего». И здесь может показаться, что мы сталкиваемся с традиционным конфликтом между знанием и верой.

Действительно, западноевропейская мысль в разное время так или иначе стремилась разрешить этот конфликт или, по крайней мере, имела его в поле зрения; корни же его – в отрицании христианством достоверности и, главное, ценности знания как такового. Знание выступает антагонистом веры. Сам познающий акт словно бы противоречит сущности веры, как она понимается в христианстве.

Многие христианские теологи искали способ оправдать знание перед верой. Однако именно эти попытки говорят о потенциальной неразрешимости этого конфликта в ситуации, когда вера есть познание Бога через откровение, знание же – познание Бога через вещи, Его творения, без Божественного участия. Христианская вера – это безусловная готовность и ожидание человеческой души принять благодать. Она есть путь к спасению, и в ней – вечное мгновение встречи Бога и верующего. Здесь очень важен личный, человеческий аспект: если говорится, что праведный верою жив будет и верою спасется, именно вера и оказывается залогом достижения спасения.

В Первом Послании Коринфянам апостола Павла читаем: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. [...] Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. [...] А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13, 1–13).

Триада апостола Павла не включает в себя знания, его место занимает надежда, которая по сути своей родственна вере. Знание – нечто временное, тленное, несущественное. Но и ценность, значимость веры Павел ставит в зависимость от любви. Как нам представляется, здесь изложение

сущности христианской веры приобретает в большей степени личностный характер. Ведь вера в христианстве – это встреча человека и Бога во всех ее аспектах. Но вера эта – скорее готовность души к принятию света откровения. Любовь же, полагаем, в христианстве означает некую активность души, ее движение, устремление, и не только к Богу, но и к сотворенному миру.

В плане критики знания показательно ироническое замечание Тертуллиана из работы «К язычникам»: «...напрасны потуги философов, причем именно тех, которые направляют неразумную любознательность на предметы природы прежде, чем на ее Творца и Повелителя»¹. В этом коротком пассаже мы находим одновременно и насмешку над античными натурфилософами (в частности, над Фалесом), и критику самих попыток исследования природы (т. е. критику философии и науки).

Таким образом, в рамках христианской теологии противопоставлены друг другу вера (и любовь) с одной стороны, и знание – с другой.

На первый взгляд, Прокл говорит о том же. Однако необходимо уточнить, что именно понимать под знанием и верой в контексте философии Прокла? Мы полагаем, что знанием здесь необходимо считать то, что сам он называет истиной (см. выше), а истина эта является равноправной составляющей триады. Познание же через чувственно воспринимаемые вещи, так же, как и относящаяся к этим вещам вера, стоит, согласно Проклу, по своим возможностям на одной из самых низших ступеней, доступных человеку.

Что касается веры, в дошедших до нас текстах Прокла Диалога мы не найдем того, что можно было бы назвать развернутым учением о вере. Тем не менее, это понятие нам представляется очень важным звеном в философской системе Прокла. Действительно, хотя само слово «вера» встречается далеко не во всех известных нам работах мыслителя, и, несмотря на всю систематичность и строгость мысли Прокла, именно этот вопрос вряд ли можно назвать тщательно разработанным, однако, когда Прокл так или иначе его касается, становится очевидно, что речь идет об одном из существенных для него понятий.

В той же 25-й главе «Платоновской теологии» Прокла понятие «веры» рассматривается достаточно подробно. Как мы уже указывали выше,

¹ Цит. по: Тертуллиан. Избранные сочинения: Пер. с лат. / Общ. ред. и сост. А. А. Столярова. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994. С. 66.

в этой главе речь идет о пронизывающей и наполняющей все сущее божественной триаде – любви, истине, вере. На первый взгляд, Прокл не отдает вере явного первенства, но указывает, что «те, кто стремится соприкоснуться с благом, в первую очередь испытывают нужду отнюдь не в знании и не в действии, а в местоположении, устойчивом состоянии и спокойствии»¹. Поскольку само собой полагается, что именно слияние с благом, или абсолютным единством, есть высшая цель человека (или, точнее, его души), постольку вера, которая единственная может способствовать такому слиянию, необходимо занимает особое место в триаде. Вот как описывает ее сам Прокл: «...богам присуща вера, неизреченно соединяющая с благом всеобщие роды богов и демонов, а также счастливые души. Ведь благо отнюдь не стоит изыскивать познавательными способами, которые не ведают своего завершения, а, напротив, необходимо, вверив себя божественному свету и словно бы закрыв глаза, тем самым утвердиться в непознаваемой и таинственной генаде сущего, так как именно этот род веры более почтенен, нежели познавательное действие, причем не только среди нас, но и среди богов: благодаря вере все боги объединены между собой...».

Как действие души, вера есть экстатический порыв. Но каким образом этот экстаз возможен? Он ни в коем случае не иррациональный и спонтанный, а, наоборот, тщательно подготовленный. Как любви сопутствует любовное безумие, истине – божественная мудрость, так вере – теургическая сила, «которая лучше всякой человеческой рассудительности и науки...» (*τὰ δὲ διὰ τῆς θεουργικῆς δυνάμεως, ἢ κρείττων ἐστὶν ἀπάσης ἀνθρωπίνης σωφροσύνης καὶ ἐπιστήμης*). Теургия готовит душу к слиянию с благом и приводит ее к нему. Читаем в книге 4, главе 9: «...посвящение совершается отнюдь не в мысли и не в суждении, а в единении – молчании, стоящем выше любой познавательной энергии. ...Вера, располагающая всеобщие и наши собственные души в неизреченном и непознаваемом <роде> богов, дарует им как раз такое <единение> (*Οὐ γὰρ διὰ νοήσεως οὐδὲ διὰ κρίσεως ὅλως ἢ μύσις, ἀλλὰ διὰ τῆς ἐνιαίας καὶ πάσης γνωστικῆς ἐνεργείας κρείττονος σιγῆς, ἣν ἡ πίστις ἐνδίδωσιν, ἐν τῷ ἀρρήτῳ καὶ ἀγνώστῳ 'γένει' τῶν θεῶν ἰδρούσα τὰς τε ὅλας ψυχὰς καὶ τὰς ἡμετέρας*)».

¹ Здесь и далее цит. по переводу Л. Ю. Лукомского: *Прокл. Платоновская теология / Пер. с древнегреч., сост., статья, примечания, указатели, словарь Л. Ю. Лукомского. СПб.: РХГИ; «Летний сад», 2001. 624 с.*

В теургической подготовке души безусловно важным является постижение учения Платона. Книга 3, глава 1: «...теологическое учение Платона ... благочестиво оберегает его неизреченное единство (т. е. божественного. – Ю. Ч.), обособленное от всего, неопишное для любых познавательных способностей и внеположное всем сущим, и одновременно открывает пути для восхождения к нему...». Отметим, что «познать» – означает, собственно, достичь некоего знания, а «поверить» – уже предполагает сущностные изменения в самом субъекте.

Подчеркнем, что нигде у Прокла мы не встретим негативной оценки познания как такового. Он говорит именно об особой ценности веры, не отрицая при этом знания. Вера – исключительное свойство человеческой души, дающее ей опору в бытии: «сама душа почитает разнообразие ума и блеск видов за ничто по сравнению с превосходством блага над всем», и далее – «Стало быть, для всего сущего надежна лишь одна гавань, и таково в первую очередь то, что внушает ему доверие. Разумеется, именно по этой причине соприкосновение и единство с ним названо теологами верой» (кн. 1, гл. 25).

Что же касается божественной веры и божественного ума, то здесь сам он четко определяет превосходство веры. Вера оказывается высшим единством, она пребывает в покое (*δεῖ δὲ τὴν θείαν πίστιν ἐνοειδῆ καὶ ἤρεμον ὑπάρχειν, ἐν τῷ τῆς ἀγαθότητος ὄρμῳ τελείως ἰδρυνθεῖσαν*); энергия же ума – это движение («умное движение вокруг умопостигаемого», *ὅλως κίνησις ἐστὶ νοεῖα περὶ τὸ νοητόν*). Ум и вера – едины, но не тождественны. Для души ни мудрое, ни прекрасное не могут сравниться с благом («...и сама душа почитает разнообразие ума и блеск видов за ничто по сравнению с превосходством блага над всем и отвергает мышление, когда восходит к собственному наличному бытию»), связывает же все сущее с благом вера. Однако Прокл тут же напоминает о родстве веры с истиной и любовью и указывает на веру как на источник единства всех добродетелей (*πῶς οὐχὶ καὶ πίστις ἔσται παρ' ἐκείνοις ἢ τὸν ὅλον διάκοσμον συνέχουσα τῶν ἀρετῶν*).

Оказывается ли вера в силу своей исключительности абсолютно внеположной познавательным способностям? Думается, нет. Вера – объединяющее начало. Ведь хотя Прокл и ставит *πίστις* выше, чем *γνώσις*, тем не менее, это различие *πίστις* и *γνώσις* производится в рамках взаимного соположения, соопределения. В абсолютном единстве существует своего рода иерархия, и то, что различие производится внутри высшего единст-

ва, обуславливает органическую связь обеих ступеней, т. е. мы имеем органическое развертывание знания в веру. Пройти *γνώσις* необходимо, чтобы достичь *πίστις*.

Вера является основой единства на всех уровнях; так, она объединяет богов между собой, она соединяет любовь и красоту друг с другом, она приобщает человека благу. Без веры нет целостности. Таким образом, вера есть и спланивающая сила разных уровней сущего, и связывающая все эти уровни между собой. Она оказывается своего рода одновременно горизонталью и вертикалью бытия, все пронизывающей и объединяющей.

В решении рассмотренного нами вопроса проявляется цельность философской позиции Прокла. Ядро философии Прокла – единство. Не только как одно из ключевых понятий, но как структурообразующий принцип. В этом есть известная парадоксальность – с одной стороны, очевидна четкая иерархичность, строгая система и в то же время, с другой стороны, абсолютное единство выстроенной им картины мира. Система Прокла – это единый живой организм, со своей сложной внутренней системой. И в этой системе знание и вера сущностно едины. Меж ними нет конфликта, нет и необходимости оправдания знания перед верой. Вера Прокла соединяет в себе и открытость божественному, и стремление к нему.

Можно сказать, что вера, истина и любовь, по Проклу, есть путь к приобщению божественным свойствам (первым действующим причинам), а значит, и к постижению их через сопричастность, причем вера является не только основой познания, но и обеспечивает его целостность и полноту.

Л. А. Серебрякова

Екатеринбург

РЕЛИГИОЗНО-ИСТОРИОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ХОВАНЩИНЫ» М. П. МУСОРСКОГО

То, что «Хованщина» – вершинное итоговое творение гения Мусоргского, в котором русская опера совершила один из своих высочайших взлетов, сегодня не требует доказательств. Ей посвящены многочисленные научные труды и специальные монографии, создающие картину ее всесторонней и фундаментальной изученности. Но столь же очевидно и другое: до сих пор еще не было адекватного ей сценического воплощения, а мощ-